

Социально-этические аспекты самоубийства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 1)

Безчасный К.В.

ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по г. Москве»

Резюме. В статье освещены взгляды Л.Н. Толстого на понимание сущности вопросов жизни и смерти, на почве религиозно-философских разночтений по вопросам самоубийства, обсуждаемых в российском обществесередине XIX века. Сама атмосфера и политическая обстановка в стране способствовали формированию «положительного» образа самоубийцы и пропаганде террористического акта, как разновидности суицида. Трагические события в родительской семье писателя послужили толчком к размышлениям о ценности жизни, которые и легли в основу романа «Анна Каренина».

Ключевые слова: самоубийство, художественная литература, Л.Н. Толстой.

Social and ethical aspects of suicide in the novel by L.N. Tolstoy «Anna Karenina» (Part 1)

Bezchasniy K.V.

Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia across Moscow

Summary. L.N. Tolstoy's views of understanding of essence of a matter of life and death, because of the religious and philosophical discrepancies concerning suicide discussed in the Russian society of the middle of the 19th century. The atmosphere and a political situation in the country promoted formation of a «positive» image of the suicide and promotion of act of terrorism as kinds of a suicide. Tragic events in parental family of the writer were an incitement to reflections about life values which have formed the basis of the novel «Anna Karenina».

Key words: suicide, fiction, L.N. Tolstoy.

Роман «Анна Каренина» появился в преддверии духовного перелома Л. Н. Толстого, в результате которого он пришёл к иному пониманию веры. Трагические события в семье писателя вновь способствовали размышлениям автора о том, что у каждого человека есть своя судьба, «тот крест, который он должен нести».

С конца 1873 по 1875 годы семья Толстых потеряла пятерых человек: в 1873 году умер полуторагодовалый сын Петя, в 1874 году ушла из жизни любимая всеми Татьяна Александровна Ергольская. Л. Н. Толстой писал об этом А.А. Фету: «Мы третьего дня похоронили тётушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномерно умирала, и я привык к умиранию её, смерть её была, как и всегда смерть близкого и дорого человека, совершенно новым, единственным и неожиданно поразительным событием» [13, С.96]. В 1875 году мучительной смертью умер десятимесячный сын Николушка, потом Софья Андреевна преждевременно родила девочку, которая через полчаса умерла. Затем скончалась тётушка Пелагея Ильинишна Юшкова, к которой писатель чувствовал духовную привязанность.

Л.Н. Толстому всё чаще приходится преодолевать сомнения в трудные периоды жизни, искать достойный выход из кризисных ситуаций, пытаться не утратить веру в Бога и желание жить. С 1875-1876 гг. у автора начался период активных религиозных исканий. Летом 1877 года Л.Н. Толстой вместе с Н.Н. Страховым совершил своё первое путешествие в Оптину пустынь и общался со старцем Амвросием. В конце семидесятых годов он усиленно читает древнехристианские ис-

точники и больше, чем когда-либо прежде, пытается уяснить смысл жизни и смерти. Всё чаще автор ощущает духовное опустошение, растерянность, впадает в уныние. Такие периоды он называл «становкой жизни».

П.И. Бирюков предположил, что ещё в 1874 году Л.Н. Толстой задумал написать произведение, говорящее о необходимости религии? как основы жизни («нечто вроде исповеди»): «Философский язык выдуман для противодействия возражению. Я не принадлежу ни к какому лагерю. Это первое условие для философии. Материалистам я должен возразить в предисловии. Они говорят, что кроме земной жизни ничего нет. Проживя под пятьдесят, я убедился, что земная жизнь ничего не даёт, и тот умный человек, который взглянет в земную жизнь серьёзно: труды, страх, упреки, борьба, зачем? Род сумасшествия, тот сейчас застрелится, и Гартман, и Шопенгауэр прав. Но Шопенгауэр давал чувствовать, что есть что-то, отчего он не застрелился. Чем мы живём? — Религия» [2]. Некоторые отрывки из переписки с А.А. Фетом свидетельствуют о том, что Л.Н. Толстым начинает всё более и более овладевать мысль о смерти, посещавшая его и раньше. Так в одном из писем Фет просил его повидаться перед смертью. В ответ Л.Н. Толстой 28-29 апреля 1876 года написал следующие строки: «Перед смертью дорого и радостное общение с людьми, которые в этой жизни смотрят за пределы её, и вы, и те редкие настоящие люди, с которыми я сходил в жизни, всегда стоят на самом краешке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность, в неизвестность, то в сансару, и этот взгляд

в нирвану укрепляет зрение. А люди житейские, сколько они не говори о Боге, неприятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видят того, что мы видим — именно того Бога, более неопределённого, более далёкого, но более высокого и несомненно-го, как говорится в этой статье. Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней» [13].

По утверждению самого автора, именно эти мысли были отражены в описании смерти Николая Левина в романе «Анна Каренина». Софья Андреевна Толстая в сентябре 1876 года писала своей сестре о муже, что он часто думает и говорит о смерти, и о том, что всё кончено для него, скоро умирать, ничто не радует, нечего больше ждать от жизни. То же настроение отражено в письме Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову, которому он писал 13 ноября 1876 года: «Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах. Что мне суждено судьбой — не знаю, но доживать жизнь без уважения к ней, а уважение к ней даётся только известного рода трудом — мучительно» [13].

В период с 1875 по 1878 годы автор всё чаще старается заглянуть «за пределы жизни», хотя это стремление было свойственно для него и раньше, о чём свидетельствует его творчество. Душевная жизнь Л. Н. Толстого и внешние толчки в виде смерти близких людей, напоминающие о том, что есть что-то неразрешённое в этой жизни, привели его к желанию убить себя. Жизнь стала казаться писателю насмешкой кого-то злого над ним; состояние его было подобно состоянию того человека, про которого говорится в восточной сказке о путнике, прыгнувшем в безводный колодец, на дне которого он видит дракона, разинувшего пасть и желающего съесть его. Автор испытывал ужас, боялся смерти, но желал приближения конца жизни.

В первую очередь, Л.Н. Толстой пытался найти разумный выход, обратился к опытной и умозрительной науке, а также к философии. Наука не помогла ему выйти из духовного кризиса, поскольку опытное знание игнорирует вопросы о конечных целях существования мира и человека. Философия оказалась бессильной перед конкретно поставленными проблемами: в чём смысл существования мира и человека в частности? что может удержать личность от самоубийства и почему не стоит уходить из жизни по собственной воле?

Спор философов о самоубийстве продолжается со времён античности, т.е. 2500 лет и единства в этом вопросе достигнуто не было, как и по сей день. Одни философы оправдывали самоубийство: Сократ, школа стоиков во главе с её основателем Зеноном, Сенекой и поздними стоиками (Эпиктетом и Марком Аврелием). Стоики создали этическую систему, доказывающую целесообразность добровольного самоумерщвления: человек имеет право не только на достойную жизнь, критерии которой — разумность и нравственность, но и на не менее достойную смерть. Быть хозяи-

ном своей судьбы, надеяться только на себя, поскольку Богу нет дела до людей — вот убеждение стоиков. К числу апологетов самоубийства принадлежала школа эпикурейцев во главе с Эпикуром, Лукрецием и Горацием. Они проповедовали безмятежность духа, свободу от страха перед миром и небытием. Эпикуреизм учил человека жить счастливо, благородно, весело и умирать смело, когда явится необходимость расстаться с жизнью. Основная мысль этого учения выражена в словах Эпикура: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь всё хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной. И действительно, нет ничего страшного в жизни тому, кто всем сердцем постиг, что в жизни нет ничего страшного».

В XVI веке М. Монтень также признавал за человеком право выбора в главном из вопросов: жить? или не жить? особенно если самоубийство совершенно из благородных мотивов. Он утверждал, что лучше всего добровольная смерть, поскольку жизнь зависит от воли других, смерть же зависит только от решения самого человека.

«Биатанатос» (1648) Джона Дона стал первым трактатом, полностью посвящённым апологии самоубийства. Основная мысль этого произведения заключается в том, что Иисус Христос, Сын Божий, покончил с собой, чтобы спасти человечество, искупив своей жизнью грехи людей и даровав им жизнь вечную. Дэвид Юм также встал на защиту суицида в своей работе «О самоубийстве» (1777), в которой он предпринял попытку разобрать все обычные аргументы против самоубийства и показать, что указанное деяние свободно от всякой греховности и не подлежит порицанию. К числу апологетов суицида принадлежал и Ф. Ницше: «Свою смерть хвалю я вам, свободную смерть, которая приходит ко мне, потому что я хочу» [7, С. 51].

Оппоненты суицида, в том числе и Отцы церкви, строили свою систему доказательств, опираясь во многом на Платона и Аристотеля. По мнению Платона, человек — раб Божий, следовательно, он не имеет права по своей воле уходить из жизни. Аристотель указывал на антиобщественность акта самоубийства, являющегося преступлением против государства.

Против суицида выступал Спиноза, считая, что человек, лишаящий себя жизни, имеет душу, поражённую бессилием; его натура потерпела полное поражение в борьбе с внешними обстоятельствами. По мнению И. Канта, человеческая жизнь священна, поскольку она является частью природы, и, исходя из этого положения, доказывал, что самоубийство безнравственно, поскольку самоубийца, совершая преступление против категорического императива и высшего долга в лице всеобщего закона природы, предаёт цель своего существования. А. Шопенгауэр, хоть с юридической точки зрения и защищал акт самоумерщвле-

ния, всё же выступал против него. Его онтология представляет собой учение о воле как первооснове бытия. «Воля к жизни» — непознаваемый научными способами иррациональный мировой принцип. Человек наделён интеллектом и способен познать эту волю. Если он жертвует собой во имя отказа от эгоизма, то он отрицает волю добровольно. Преодоление эгоизма и означает отказ от воли к жизни. Следовательно, самоубийца — это слабый и безвольный человек. Труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1818) в полной мере отражает позицию философа.

Можно с определённой долей уверенности утверждать, что Л.Н. Толстой хорошо знал аргументы философов, выступавших за и против самоубийства. Но ни рационалистические, ни религиозные теории не помогли ему выйти из духовного кризиса и избавиться от мыслей о суициде. Ему представлялись 4 возможных выхода примирения со смертью и обретения душевного покоя:

Неведение. Сам Л.Н. Толстой, погружённый в проблему поиска смысла жизни, вернуться к неведению уже не мог.

Эпикурейство. После многих потерь писатель не мог обрести безмятежность духа. Страх небытия, мучавший его, и невозможность подвести под желание смерти единую базу, содержащую моральное, философское, этическое, религиозное оправдание были очевидны.

Самоубийство. Писатель надеялся найти конструктивный путь выхода из кризиса. Ощущения полной безнадёжности ситуации у него не было. Сомнения в правильности рационального оправдания суицида являлись следствием размышлений. По словам П.И. Бирюкова, «Л.Н. Толстой считал, что если его разум — творец жизни, то как же он приводит к отрицанию её? Если же разум есть сын жизни, последствие её, то как может он отрицать то, что породило его? Писатель выработал для себя понятие «сознание жизни», подразумевающее ту силу жизни, которая спасает миллионы людей от самоубийства, при всём понимании тщетности земных усилий человека. Хоть они и знают рассуждения о тщете жизни, но, всё же, находят в ней высший смысл» [2].

Вера в Бога. Л.Н. Толстой в этот период понял, что жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному и это отношение определяется и объясняется верою. Вера придаёт конечному существованию смысл бесконечного. Вера не основана на выводах разума, но она всеобща: где вера, там жизнь. Вера есть сила жизни. Но особенность мировоззрения Л.Н. Толстого была такова, что верить он должен был сознательно, поэтому разум не давал ему покоя. Он стал изучать различные веры. Писатель обратился к изучению различных вероисповеданий: читал Ренана, Штрауса, Макса Мюллера, изучал Талмуд и ислам, увлекался буддизмом, но, всё же, останавливался на христианстве, изучая его различные направления.

В раннем христианстве ещё не было однозначного негативного отношения к суициду. В Библии

описаны 7 случаев «оправданного» самоубийства (Авимелех, Самсон, царь Саул и его оруженосец, Ахитофел, советник царя Давида и участник заговора Авессалома, Разис). В Новом Завете говорится о самоубийстве Иуды Симонова из Кариота. Сам Иисус Христос принял смерть добровольно, исполнив волю Пославшего Его.

Святой Августин первым из Отцов церкви осудил самоубийство, т.к. он считал, что человек получает спасение только от Бога, а суицид — тяжкий грех, поскольку в нём нет возможности раскаяться. Святой Бруно (XI век) и Фома Аквинский (XIII век) завершили дело Августина. Человек не является полным хозяином своей жизни, которая дарована ему Богом и которая может прерваться по Его воле. Самоубийство является также нарушением заповеди «Не убий» и приравнивается к убийству. С.Н. Булгаков отмечал в «Настольной книге для священно-церковнослужителей» (1892), что христиане, налагающий на себя убийственную руку, вдвойне оскорбляет Бога: и как Творца, и как Искупителя. В иудаизме также прослеживается негативное отношение к самоубийству, хотя в Талмуде, как и в Ветхом Завете, нет категорического осуждения суицида. Мученики, совершившие альтруистическое самоубийство, не подвергаются осуждению, а почитаются. В остальных случаях самоубийство названо худшим из грехов, ещё более тяжёлым злодеянием, чем убийство, ибо самоубийца отвергает Божий суд и пренебрегает правом на грядущую жизнь. Вместе с тем, преступления этого рода считались подсудным не людям, а Богу — то есть не земному суду, а небесному. В иудаизме не считается преступлением и самоубийство несовершеннолетних, неуравновешенных, психически невменяемых людей. В определённых случаях (возможность впасть в грех идолопоклонничества, убийства или прелюбодеяния) иудею разрешается убить себя. В иудаизме большую роль играет также личная ответственность человека и рациональность его мышления.

Ислам, подобно христианству и иудаизму, осуждает самоубийство, но толерантно относится к самоубийцам. Религиозный аспект осуждения суицида в исламе заключается в том, что человек в некотором роде восстаёт против Аллаха, поскольку противится судьбе, которая предопределена каждому свыше. Таким образом, самоубийца добровольно отказывается от Рая и попадает в Ад. В наказание он вновь и вновь будет совершать своё злодеяние. Повторяемость действия в виде наказания напоминает древнегреческий миф о Сизифе.

Итак, в христианстве, иудаизме и в исламе религиозное и этическое осуждение суицида определено в большей степени не священными Книгами, а позицией их толкователей и более поздних учителей веры. В этих религиях существует понятие инобытия (Рая и Ада), откуда нет возврата в мир живых. Смерть — это таинство перехода в инобытие. Она познаваема, но опыт умирания непередаваем. Смерть, как и всё неизвест-

ное, вызывает страх и является важным событием в жизни верующего.

В индуизме и буддизме существует понятие реинкарнации (повторяемость земных перерождений человека), которая обесмысливает акт самоубийства. В этих религиозных учениях нет заикленности на смерти, так как в процессе достижения нирваны человек несколько раз рождается и умирает. Смерть теряет свою уникальность, а добровольный уход из жизни становится бессмысленным. Тем не менее, религиозное самоубийство возводится в ранг подвига и трактуется как самопожертвование Богу или очищение от грехов.

Эти религиозно-философские разночтения по вопросу суицида, как и по другим проблемам, бесспорно, учитывались Л. Н. Толстым. И всё же он осознавал, что его жизненная позиция более всего близка к христианству. Анализируя жизнь современного ему общества, писатель пришел к выводу, что вера дворянства в большей степени формальна и не является органической частью мировоззрения. Следовательно, она не упорядочивает жизнь большинства представителей дворянства и является одним из эпикурейских утешений: «И снова он обращается к народу, творящему жизнь, и видит, что для него вера есть основа жизни. Жизнь верующих высшего круга была противоречием их вере; жизнь верующих из народа была подтверждением их вере; последствием её. И среди них он не видел боязни страдания и смерти, а напротив, спокойную и даже радостную покорность им. Как же отразилась проблема самоубийства в народных верованиях? В народном православии, сочетавшем христианское мировоззрение и элементы язычества, феномену самоубийства придавалось важное значение. В представлениях народа христианское понятие о смертном грехе уступало место чувству опасности, поскольку, согласно язычеству, самоубийцы принадлежали к группе существ, именуемых «заложеными покойниками» [13]. К этой категории относились также жертвы самоубийств, убийств, несчастных случаев и умершие при неизвестных обстоятельствах. «Заложённые покойники» не могут перейти в инобытие до тех пор, пока не наступит конец их жизни, известный только Богу. До этого срока «земля их не принимает» и «небо» тоже. Церковь не служит заупокойные службы за спасение их душ. В итоге они приобретают статус «условно мёртвых» и обитают в пространстве между «миром живых и мёртвых».

Более того, по верованиям русского народа, они представляют большую опасность, поскольку служат сатане. «Нечистая сила» всегда находится в оппозиции к миру живых и по мере возможностей наносит ему вред. Дьявол является проводником в мир ложных ценностей, следуя которым, человек совершает суицид. Согласно записям этнографа С. В. Максимова, «на самоубийцах на том свете сам сатана разъезжает таким образом, что запрягает вместо лошадей, других сажает в кучера править, а сам садится на главном месте вразвалку, понукает и подхлестывает. Когда же са-

тана сидит на своём троне в преисподней, то всегда держит на коленях Иуду, хриstopродавца и самоубийцу» [6, С. 17-18]. Это не единственное свидетельство о связи самоубийцы с дьяволом. По словам фольклориста В. Добровольского, «народу присуще воззрение, что человек не сам лишает себя жизни, а доводит его до самоубийства, иногда даже непосредственно убивает, топит чёрт, леший» [4, С. 204]. Размышления Л. Н. Толстого о смерти и самоубийстве, интерес к данной проблеме в контексте мировых религий, народных верований и философии не случайны и не являлись только личной потребностью автора. Они были результатом той социально-культурной обстановки, которая сложилась в России в 1860- 1880-х гг.

Самоубийство представителей дворянства стало весьма характерной чертой того времени. Близкий же к природе народ, с его естественным восприятием жизни, был менее склонен к суицидальному поведению, чем рефлектирующая «интеллигенция», стремящаяся к благам цивилизации и подверженная влияниям моды. Проблема самоубийства широко начала обсуждаться в печати. В 1870 г. был издан труд правоведа и реформатора Н. С. Таганцева «О преступлениях против жизни по русскому праву», в котором впервые в России суицид сделался предметом изучения и дискуссии [8, С.76]. Вопрос о самоубийстве обсуждался на уровне государства, церкви и науки. Человек, наложивший на себя руки, не мог быть похоронен без предварительного следствия со стороны полицейских и медицинских властей. В науке существовало несколько точек зрения на суицид: одни считали его исключительно результатом душевной болезни (П. М. Ольхин «О самоубийстве в медицинском отношении» (1859)), другие, увлечённые «моральной статистикой», отказывали человеку в проявлении свободной воли и считали, что существуют законы, которые управляют индивидуальными и коллективными действиями. Моральные статисты бросали вызов в вопросе о свободе воли философам и христианской религии. Книга Г. Бокля «История цивилизации в Англии» получила широкую популярность в Москве и Петербурге. Публицист-радикал Варфоломей Зайцев из «Русского слова», следуя за Карлом Фогтом и Адольфом Кетле, объяснял регулярность преступных действий связью между предрасположенностью к преступлениям и состоянием мозга, крови и нервных окончаний. Большая часть русских позитивистов считала самоубийства, как и преступления, результатом влияния социума и определенных социальных условий. Дарвинизм рассматривал самоубийство как следствие борьбы за существование в условиях развития цивилизации.

Сообщения о самоубийствах стали печататься в российских газетах, начиная с 1830-х годов. В 1839 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Северной пчеле» появился раздел «дневник происшествий». Затем сообщения о суицидах стали постоянным явлением. Пресса была органом, формирующим общественное мнение и ориентирующимся на вкус массового читателя. Жур-

налы «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство» уделяли особое внимание проблеме. В 1860-1880-е годы феномен самоубийства приобрел статус культурного символа или «знамения времени».

И действительно, пресса сделала тему самоубийств обыденной, приучила людей к этому явлению, способствовала формированию и внедрению в массовое сознание схемы суицидального поведения, более того, предлагала перечень наиболее распространенных способов добровольного ухода из жизни. В популярных печатных изданиях появилась стандартная схема изображения трагического случая: место происшествия, имя самоубийцы, способ самоубийства, состояние тела и фраза «причины самоубийства неизвестны» или «о причинах самоубийства ведётся расследование». Поскольку о личности самоубийцы и обстоятельствах самоубийства было известно мало, наибольшее место в газетном отчете занимало описание тела, заимствованное из отчёта о судебно-медицинском вскрытии. Читатель часто оказывался в роли наблюдателя, осматривающего обезображенное тело вместе с очевидцем событий.

В романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой противопоставил свое понимание проблемы добровольного ухода из жизни нарастающей тенденции унифицирования личности самоубийцы, и как гениальный художник воспроизвел историю человеческой души, находящейся в «пороговой ситуации», в трагическом столкновении добра и зла во всех pro et contra. Обратил внимание на то, что в романе нет подробного описания событий после рокового поступка героини. Писатель вскользь, в нескольких деталях, через восприятие Вронского описал безжизненное тело Анны Карениной. Образно выражаясь, роман Л.Н. Толстого — это «пролог» к газетной заметке, восполняющий самые важные недостающие «детали» из жизни самоубийцы. Произведение автора вступает в полемику с прессой, утверждая приоритет души над телом (возможно, именно этой причиной объясняется метафорическое уподобление любовного акта расчленению тела). Л.Н. Толстой словно предполагал, что после самоубийства Анны в газете появится формальный «отчёт» о происшествии, а истинные причины трагедии останутся в тени. Широкое обсуждение проблемы самоубийства явилось следствием изменений, произошедших в социальной антропологии. Все имело значение: противопоставление научного мировоззрения религиозному (христианскому), приоритет, отдаваемый индивидуальному над коллективным, патернализм в медицине и юриспруденции.

На вторую половину XIX века приходится «изобретение» и пропаганда террористического акта, как вида альтруистического самоубийства. Первой ласточкой было покушение на императора, совершенное в апреле 1866 года бывшим студентом Дмитрием Каракозовым. За ним последовали и другие. Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что заострение в романе

«Анна Каренина» проблемы самоубийства — не случайное явление в творчестве автора и в русской литературе в целом.

Л.Н. Толстой начал писать роман по случайной случайности, прочитав «Отрывок» А.С. Пушкина, который начинался словами «Гости съехали на дачу...». Кто-то из присутствующих предложил писателю воспользоваться этим началом и написать свое произведение. На следующий день, 18 января 1872 года, Софья Андреевна Толстая в письме к сестре упомянула, что в основу романа легла история, происшедшая в Ясенках: самоубийство женщины (Анны Степановны), из ревности, бросившейся под поезд. Известно, что Л.Н. Толстой ездил смотреть, как её анатомировали в анатомический театр. Возможно, этот случай способствовал размышлениям автора по поводу самоубийства, как выхода из кризисной ситуации. Тем более, что «почва» для подобных размышлений была весьма благодатная: выше мы приводили некоторые факты из личной жизни автора, изучение Толстым философии, мировых религий, имели значение социально-культурная обстановка в России, дискуссия о суициде в печати, реформа закона о самоубийстве и т.д. Кроме того, тема самоубийства была не нова и для Толстого-художника: в ряде произведений 1850-1880-х гг. он дал галерею образов дворян-самоубийц.

Имеет смысл остановиться на поведении героев некоторых художественных произведений Л.Н. Толстого, взяв за точку отсчета степень осознания ими своего стремления уйти из жизни в момент совершения рокового поступка. Л.Н. Толстой в своем раннем творчестве часто обращался к проблеме понимания соотношения в человеке добродетелей и пороков. Древние стоики (Зенон, Клеанф, Хрисипп) сводили благо человека к 4 добродетелям: благоразумию, умеренности, справедливости и мужеству. Противоположности этих понятий являют собой зло.

Поведение Аланина (Набег) и братьев Козельцовых (Севастопольские рассказы), а также Петра Ростова (Война и мир) условно можно отнести к суицидальному, поскольку, мечтая о героическом поступке, они не видели в нем опасности для себя или пытались не видеть. Тем не менее, логика действий, подводит юных героев к роковой черте. Можно полагать, что, решившись на гибель этих персонажей, не успевших познать тяготы жизни, Л.Н. Толстой разделял точку зрения философов на проблему самоубийства: уходить из жизни нужно тогда, когда ты счастлив и находишься на пике своих возможностей. Подобной концепции придерживался Плутарх, позже Гёте реализовал этот жизненный принцип в формуле: «остановись мгновенье, ты прекрасно». Крайняя форма подобного непонимания выражена автором и в героях севастьяновских очерков, и в образе молодого Петра Ростова.

П.М. Бицилли справедливо утверждает, что, по замыслу автора, Петр всецело выражает себя в смерти. К ней он стремится безотчётно, как гётевская бабочка к огню («*Selige Sehnsucht*»). Картина

смерти героя напоминает П.М. Бицилли последние трепетания бабочки, полной жизни, но сгорающей у фонаря [3, С. 488]. Здесь можно уловить соответствие толстовского замысла поэтической метафоре Ф. Ницше, в которой он уподобляет себя свече и отмечает, что он погаснет, как свеча, которую задувает не ветер, но которая сама устаёт от себя и пресыщается собою, — выгоревшая свеча? Или, наконец: задует ли сам себя, чтобы не выгореть? Аланин, братья Козельцовы и Петр Ростов уходят из жизни, «чтобы не сгореть», а зафиксировать кажущуюся им полноту жизни в вечности. Отметим также, что в творчестве Л.Н. Толстого выгоревшая свеча часто является символом человеческой жизни и человека вообще. Образы Андрея Болконского и Алексея Вронского связаны с символом выгоревшей свечи опосредованно. Эти люди разочаровались во всём, что раньше ценили, они испепелены страстями и не дорожат собой. Оба героя не живут, а тлеют, поэтому и выбрали однотипный выход из сложившейся ситуации — война и смерть. Князь Андрей не прятался от пуль, так же, по-видимому, будет воевать и Вронский. Это даёт нам основание рассматривать поведение персонажей как суицидальное, хотя и не вполне осознанное. Следует вспомнить в связи со сказанным и Наташу Ростову. Ее объединяет с Алексеем Вронским попытка самоубийства вследствие несчастной любви. В обоих произведениях существует косвенная перекличка с повестью Гёте «Страдания юного Вертера». В произведении «Война и мир» эта связь является ситуативно-обусловленной.

В романе «Анна Каренина» писатель явно соотносит Вронского с Вертером, отмечая, что матери персонажа «не нравилось то, что по всему, что она узнала про эту связь, это не была та блестящая, грациозная светская связь, но какая-то вертеровская, отчаянная страсть, как ей рассказывали, которая могла вовлечь его в глупости» [11, С. 184]. Вронский, как и герой Гёте, стрелялся из-за любви к замужней женщине. Однако Л. Н. Толстой трансформирует ситуацию: герой пытался свести счёты с жизнью, находясь в полусознательном состоянии, страдая от понимания своей униженности: «Он всё лежал, стараясь заснуть и всё повторял шёпотом случайные слова из какой-нибудь мысли. Он прислушался — и услышал странным, сумасшедшим шёпотом повторяемые слова: «Не умел ценить, не умел пользоваться. «Что это? Или я с ума схожу? — сказал он себе. — Может быть. «Так сходят с ума, — повторил он, — и так стреляются, чтобы не было стыдно», — добавил он медленно» [11, С. 438]. Вронский думал о счастье, потерянном, как ему казалось, навсегда, и о бессмысленности своей предстоящей жизни. Выстрелив в себя, герой удивленно оглянулся и с трудом осознал, что пытался наложить на себя руки. Исходя из текста романа, мы полагаем, что Вронский не вполне осознавал мотивы своего поступка. Он действовал по заложенной в его подсознании модели поведения, сложившейся в обществе, как мы отмечали ранее, и под влиянием литера-

турных образцов. В письме к Н.Н. Страхову от 26 апреля 1876 года Л.Н. Толстой, говоря о бесконечном лабиринте сцеплений в романе «Анна Каренина», остановился на сцене самоубийства Вронского: «Этого никогда со мной так ясно не бывало. Глава о том, как Вронский принял свою роль после свидания с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять, и совершенно для меня неожиданно, но, несомненно, Вронский стал стреляться. Теперь же для дальнейшего оказывается, что это было органически необходимо» [13, С. 269]. Но вернемся к мотиву сгоревшей свечи. Он в большей степени реализован в образе Анны Карениной. Как отмечалось ранее, свеча в контексте творчества Л. Н. Толстого тесно связана с мотивами судьбы, жизни и смерти. В романе эта мысль подтверждается описанием рокового поступка героини: «Господи, прости мне все!» — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [12, С. 349].

Тот факт, что самоубийство Анны Карениной было не вполне осознанным действием, подтверждают мысли героини: «И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. «Где я? Что я делаю? Зачем?». Она хотела подняться, откинуться» [12, С. 348]. Что заставило Анну совершить отчаянный поступок? Суицидальное поведение героини во многом обусловлено комплексом импульсов, идущих из глубин подсознания. Связь смерти со снами Анны и Вронского в романе в большей степени обусловлена влиянием фольклорной традиции. Об этом, в частности, свидетельствует сон Анны Карениной о лохматом мужике. В народных представлениях смерть, уподобленная сну, вызывает образы ночного мрака, поскольку заснувший напоминает умершего. Сон Анны о лохматом мужике, хотя и может иметь несколько толкований, все же предвещает смерть героини, и это тоже закономерно. В контексте славянской мифологии образ лохматого мужика может восприниматься как одно из толкований бесовщины, черта, а в силу этого — смерти. «Смерть признавалась у язычников нечистью, злою силою. Смерть и черт в народных сказаниях нередко играют тождественные роли» [1, С. 326-327]. А.Н. Афанасьев также отмечает схожесть их деятельности: они представляют собой «...тип хитрого ловчего и губителя христианских душ...» [1, С. 330]. Черт правит антимиром и является искусителем, он «нашептывает» героине лжеценности, подчиняет ее волю себе, распаяя ее страстность и плотские влечения. Инфернальное начало страсти героев романа проявилось уже в самом начале их отношений. Именно эту черту отметила Кити Щербацкая, увидев на балу Анну вместе с Вронским: «... было что-то ужасное и жестокое в ее прелести. «Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней», — сказала себе Кити» [11, С. 89]. Вхождение Анны Карениной в сферу дьявольского анти-

мира произошло на платформе станции, во время метели. И это не случайно, т.к. «по народному поверью, зимние вьюги бывают оттого, что нечистые духи, бегая по полям, дуют в кулак. Сверх того, веяние ветров сравнивали с действием кузнечных мехов в руках бога-громовника и его помощников» [1, С. 91]. Бог-громовник имеет двойственный характер: он одновременно является светлым божеством и лукавым, злобным, демоническим существом. В античной мифологии этот амбивалентный образ разделился на две враждебные ипостаси: Зевс — владыка неба, Плутон — царь подземелья или того света, возле плодородящего Тора находится лукавый Локи, который соответствует хромому Гефесту (Вулкану), богу подземного огня, искусному кузнецу. «В народных сказках черт нередко является искусным кузнецом, с чем (как нельзя более) гармонируют и его черный вид, и его пребывание в горящих адским пламенем пещерах» [1, С. 325].

Важно также, что путь бога-громовника был, согласно поверьям, непрямым, следствием чего является изогнутость молнии. Изогнутость пути — изогнутость души. Поэтому кривизна является олицетворением неправды, той кривой дороги, или луки, какую идет человек недобрый, увертливый, не соблюдающий справедливости, а также коварства и хитрости. Эпитет «лукавый» по отношению к бесу закрепила и христианская традиция: «Избави нас от лукавого», — сказано в молитвенном каноне. Все вышеперечисленные признаки беса и бесовства отражены в сцене встречи Анны и Вронского во время метели: «Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери. И это ей показалось весело. Ветер как будто только ждал ее, радостно засвистел и хотел подхватить, и унести ее. Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции. На мгновение буря затихла, но потом опять налетела такими порывами, что, казалось, нельзя было противостать ей. Согнутая тень человека проскользнула под ее ногами, и послышались стуки молотка по железу» [11, С. 108].

А вот описание объяснения героев: «...как бы одолев препятствия, ветер засыпал снег с крыши вагона, затрепетал каким-то железным оторванным листом, и впереди плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза. Она ничего не отвечала, и на лице ее он видел борьбу» [11, С. 109]. В этой сцене Вронский действует как разбойник, поскольку «крадет» душевное спокойствие Анны, поступает как оболститель, толкающий на несправедливый путь лжи и обмана. Подтверждением тому служат звуковые образы бушующей стихии: «...ветер радостно засвистал, буря свистела, плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза» [11, С. 110]. Необходимо подчеркнуть, что демоном грозовой тучи является и Соловей-разбойник, которому присущ смертоносный свист. Таким же разбойником-похитителем является Анатолий Курагин. Он планировал увезти Наташу Ростову также зимой, во время метели.

Мы уже отмечали ранее, что герою в тексте присутствуют элементы демона-искусителя, хотя и соотносили их с романтической традицией. Курагин, подобно Вронскому, не знал и не думал, что выйдет из его затеи. Влияние дьявольского наваждения на душу, и поведение Анны проявляется в ее движении из света (из вагона) в темноту (на платформу, где царилась ночь и метель). Свет у древних славян ассоциировался с понятием о высшей справедливости и благе, а также с добром, счастьем и нравственным началом в человеке. Темнота связывалась с нечистой силой, неправдой и бесчестием, она враждебна нравственным основам жизни. Анна, вступив в темноту, вошла тем самым в мир беса или антимир, где встретилась с Вронским, который также действует по законам антимира. Неслучайно во время объяснения он стоит в тени: тень в этом эпизоде трактуется как предвестник смерти.

Представляется важным тот факт, что «нечистая сила, по русскому поверью, не знает семейных уз, этих единственных форм, которые у племен патриархальных поддерживали и воспитывали нравственные отношения; она блуждает по свету, не имея мирного пристанища» [1, С. 49].

«Вронский никогда не знал семейной жизни. Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более — смешное» [11, С. 62].

В семейной жизни Карениных также царилась фальшь, что сразу заметила Долли: «ей не нравился самый дом их; что-то было фальшивое во всем складе их семейного быта» [11, С. 71]. Основной отношений Анны и Вронского была плотская, разрушительная страсть, а не желание создать семью. Они и будут, словно гонимые нечистой силой, вместе скитаться по свету, постепенно охладевая друг к другу. Это хорошо понимал и сам Л. Н. Толстой, утверждая приоритет семьи: «Если цель брака есть семья, то тот, кто захочет иметь много жен и мужей, может быть, получит много удовольствия, но ни в каком случае не будет иметь семьи» — писал он в романе «Война и мир» [10, С. 268].

«Анна Каренина» представляет собой яркое доказательство мысли автора о неизбежности нравственных начал, необходимых для счастливой жизни: в противном случае человек может погибнуть духовно и физически, что и произошло с героиней романа. Мотив брака, свадьбы звучит в сцене метели так же явно, как и мотив бесовщины, антимира. И здесь нет противоречия, поскольку отношения героев определяются законом особой свадьбы-самокрутки.

Барбара Лённkvист в своем исследовании связывает воедино звуки ударов по железу и образ лохматого мужика (которого трактует как кузнеца) именно со свадебным мотивом: «Образ мужика из сна Анны можно трактовать как кузнеца, образ которого имеет широкие культурные коннотации» [14, С. 81]. Кузнец в своей кузнице «кует» судьбу Анны. Отношение этого образа

к браку обусловлено обрядами восточных славян, в соответствии с которыми «кузнец кует свадьбу». Кузнец так же является персонажем тех подблюдных песен, которые поются молодыми русскими девушками в двенадцатую ночь перед Крещением. В песне, которую цитирует Леннkvист, предсказание брака проявляется в том, что кузнецы куют «золотые венцы», используемые в православном венчании. Святочные празднества в двенадцатую ночь также включают в себя эротические игры, во время которых молодые парни, переодетые в кузнецов, «подковывают девок», дотрагиваясь до их ног и ступней щипцами и молотками. Исследовательница справедливо отмечает, что это же выражение «подковать девку» в иносказательном смысле обозначает незаконную любовную связь. «Именно такие коннотации приобретает звук уда-

ра молотка по железу в сцене, где Вронский признается в любви Анне, когда она возвращается в Санкт-Петербург. После его слов о том, что он хотел бы быть везде, где будет находиться Анна, вновь слышен звук дребезжащего железа. Звук ударов по железу и грохота железа сопровождает встречу, которая скрепила отношения между Анной и Вронским» [14, С. 82].

Необходимо обратить внимание и на то, что взаимосвязь мифологического значения кузнеца, кующего брачные узы, с образом красного мешочка Анны Карениной, как женского лона, проявляется в возможности соотношения железа с областью смерти. Удары кузнеца подчеркивают «протivoестественность брака Анны Карениной и Вронского, выраженного в неосознаваемом решении героини не рожать детей» [14, С. 81-82].

Литература

1	Афанасьев А. Н. <i>Древо жизни</i> . — М.: Современник. — 1982. — 464с.	Afanas'ev A.N. <i>Life tree</i> . — М.: Sovremennik. — 1982. — 464s. (In Rus.)
2	Бирюков П. И. <i>Биография Л. Н. Толстого (книга первая)</i> . — М.: Алгоритм. — 2000. — 528с.	Biryukov P.I. L.N. Tolstoy's biography. — М.: Algoritm. — 2000. — 528s. (In Rus.)
3	Бицилли П.М. <i>Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra</i> . — СПб.: РХГИ. — 2000. — С.473.	Bicilli P.M. <i>Problem of life and death in Tolstoy's creativity// L. N. Tolstoy: pro et contra</i> . — SPb.: RHGI. — 2000. — S. 473. (In Rus.)
4	Добровольский В. <i>Народные сказания о самоубийцах // Живая старина</i> . — № 1. — 1894. — С.204.	Dobovol'skij V. <i>National legends on suicides // ZHivaya starina</i> . — № 1. — 1894. — S.204. (In Rus.)
5	Маковский М.М. <i>Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов</i> . — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. — 1996. — 416 с.	Makovskij M.M. <i>The comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages: Image of the world and worlds of images</i> . — М.: Gumanit. izd. centr VLADOS. — 1996. — 416s. (In Rus.)
6	Максимов С.В. <i>Нечистая, неведомая и крестная сила</i> . — СПб. — 1903. — С.15-20.	Maksimov C.B. <i>Evil, unknown and God spirit</i> . — SPb. — 1903. — S.15-20. (In Rus.)
7	Ницше Ф. <i>Сочинение в двух томах. Т. 2</i> . — СПб.: Изд-во Кристалл. — 1998. — 1120с.	Nicshe F. <i>The composition in two volumes. Vol. 2</i> . — Spb.: Izd-voKristall. — 1998. — 1120s. (In Rus.)
8	Паперно И. <i>Самоубийство как культурный институт</i> . — М.: Новое литературное обозрение. — 1999. — 256с.	Paperno I. <i>Suicide as cultural institute</i> . — М.: Novoe literaturnoe obozrenie. — 1999. — 256s. (In Rus.)
9	Сато Юсуке, Сорокина В.В. «Маленький мужик с взъерошенной бородой»: (об одном символическом образе в «Анне Карениной») // <i>Phylologica, Moscow; London</i> . — 1998. — Т.5. — С.139-154.	Sato YUsuke, Sorokina V.V. «The little man with the tousled beard»: (about one symbolical image in «Anna the Kareniny») // <i>Phylologica, Moscow; London</i> . — 1998. — T.5. — S.139-154. (In Rus.)
10	Толстой Л.Н. <i>Полн. собр. соч. — Репр. воспроизвел. изд. 1928-1958 гг.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — Т. 12. — 424с.	Tolstoj L.N. <i>Collected works. — Repr. vosproizvel. izd. 1928-1958 gg.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — T. 12. — 424s. (In Rus.)
11	Толстой Л.Н. <i>Полн. собр. соч. — Репр. воспроизвед. изд. 1928-1958 гг.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — Т.18. — 455с.	Tolstoj L.N. <i>Collected works. — Repr. vosproizved. izd. 1928-1958 gg.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — T.18. — 455s. (In Rus.)
12	Толстой Л.Н. <i>Полн. собр. соч. — Репр. воспроизвед. изд. 1928-1958 гг.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — Т.19. — 517с.	Tolstoj L.N. <i>Collected works. — Repr. vosproizved. izd. 1928-1958 gg.</i> — М.: Terra-Terra, 1992. — T. 19. — 517 s. (In Rus.)
13	Толстой Л.Н. <i>Полн. собр. соч. — Репр. воспроизвед. изд. 1928-1958 гг.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — Т.62. — 571с.	Tolstoj L.N. <i>Collected works. — Repr. vosproizved. izd. 1928-1958 gg.</i> — М.: Terra-Terra. — 1992. — T.62. — 571s. (In Rus.)

14	<i>Lönnqvist B. A text within a text: the dream in «Anna Karenina»//Scando-Slavica. Copenhagen. — 1998. — Т. 44. — P.75-83.</i>	<i>Lönnqvist V. A text within a text: the dream in «Anna Karenina»//Scando-Slavica. Copenhagen. — 1998. — Т. 44. — P. 75-83. (In Eng.)</i>
----	---	--

Сведения об авторе

Безчасный Константин Васильевич — к.м.н., врач психиатр ФКУЗ «Медико-санитарной части МВД России по г. Москве». E-mail: kv2005spb@mail.ru